

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Угледобыча в Украине неблагоприятна по горно-геологическим условиям – более 80% запасов сосредоточенно в тонких газонасыщенных пластах на больших глубинах. В большинстве стран такие месторождения не разрабатывают из-за их коммерческой не состоятельности. Это и сильная изношенность шахтного фонда предопределяют низкую рентабельность деятельности по добыче угля.

Государство дотирует убыточные предприятия угольной промышленности. Объем дотаций ежегодно растет, субсидирование отрасли тяжелым бременем лежит на экономике страны, а предприятия работают все хуже. В 2011 г. убытки составили 8,9 млрд грн (7,3 и 7,4 млрд грн в 2009-2010 гг.) На их погашение было выделено 6,7 млрд грн (4,6 и 5,8 млрд грн в 2009-2010 гг.). Неполное дотирование приводит к росту кредиторской задолженности шахт. Но в Украине действует мораторий на признание угледобывающих предприятий банкротами.

Государственный сектор угольной промышленности состоит из 94 технических единиц, входящих в 21 предприятие, в большинстве своем убыточных. Частные шахты (23 технические единицы, входящие в 8 предприятий, не считая "копанок") дают почти половину годового объема национальной добычи угля и в целом рентабельны. Наряду с государственными и частными шахтами имеются арендные (11 единиц в 6 предприятиях) и концессионные (11 единиц в 2 предприятиях) шахты.

Экономическое благополучие частных угледобывающих предприятий зиждется на селективности приватизации, массивных инвестициях и профессионализме менеджеров.

Решение о сворачивании угледобычи в Донбассе вызрело еще в конце семидесятых годов XX столетия. Это была большая промышленная политика. Угольная промыш-

ленность СССР находилась на подъеме, в 1976 г. было добыто рекордное количество угля – 218 Мт [1], в течение десятилетий шло строительство новых и модернизация существующих шахт – и после этого из почти 340 технических единиц следовало оставить несколько, добывающих особо ценные марки коксующихся углей... Но в Кузбассе производительность труда рабочих по добыче в три раза выше, уголь в 2-2,5 раза дешевле, содержание серы в 8-10 раз меньше. Перенесение центра тяжести национальной угледобычи, перераспределение капиталовложений от Донбасса Кузбассу было логичным, но было понимание и того, что "вопрос о Донбассе окончательно должен решаться с учетом не только экономической, но и политической и социальной составляющей проблемы" [2, с. 52].

Во времена СССР вопрос о Донбассе так и остался открытым, но режим "газовой паузы" был введен – пошел перевод на газовое топливо котельных в населенных пунктах и электростанций, а склады продолжавших действовать антрацитовых шахт переполняла невостребованная продукция.

В современной Украине уголь является единственным представительным национальным энергоресурсом. Его запасов достаточно и на отдаленную перспективу, его добыча подается как мера энергетической безопасности и энергетической независимости страны. Во многих городах угольный промысел является главным занятием трудоспособного населения, а местные шахты служат основным источником наполнения городского бюджета. Это объясняет распространенность идей автаркии, особенно "уголь вместо газа". В оправдание часто используют лозунг Н.С. Сургая: "Уголь спасет Украину, если Украина спасет уголь!" [3], а также призыв угольщиков ФРГ: "Энергетическая безопасность страны немыслима без опоры на собственный уголь!" [4].

Есть и другая сторона, настаивающая на том, что "современные разговоры об угле как основном энергоносителе в Украине носят абстрактный характер, а называемые в печати 200 или 300 лет, на которые хватит этого угля, иначе как рекламными заявлениями, не имеющими ничего общего с реальным положением сырьевой базы, назвать нельзя" [5, с. 15-17]. В Донецкой области, – указывают они, – угля энергетического назначения в так называемых "хлебных" пластах – мощностью более 1,2 м и углом залегания до 18 градусов – только 95 млн т, или 12%. При темпах отработки 12-15 млн т в год они будут исчерпаны за десятилетие. И Донецкая область не исключение.

Присутствует еще и момент неоднозначности опыта европейских стран, осуществивших реструктуризацию шахтного фонда. Решительно ликвидировать или поддерживать убыточные предприятия до их естественной остановки – дилемма, так и не получившая окончательной экономической оценки [6]. Споры по этому поводу продолжаются даже в Германии, где однозначно принято решение о закрытии последней шахты в 2018 г. [7].

Украинское государство по отношению к своей угольной промышленности находится в точке бифуркации и это определяет как потребность в тщательно выверенной промышленной политике, так и актуальность темы настоящей работы.

Действующая ныне программа реформирования отрасли [8, 9], судя по планам полного разгосударствления и реструктуризации шахтного фонда, больше тяготеет к модели открытой экономики, но ее нельзя назвать документом промышленной политики в понимании авторов работ [10, 11]. Поэтому настоящая статья посвящена не конкретике существующих программных документов [12], а постановочным аспектам формирования промышленной политики для угольной промышленности Украины.

Промышленная политика (ПП) "... в строгом смысле, является отраслевой (sectoral) политикой; она предназначена для продвижения отраслей, где вмешательство должно иметь место по причинам национальной независимости, технологической автономии, провалов частной инициативы, упадка традиционных видов деятельности,

географического или политического баланса" [13].

"Век угля" в истории развитии мировой экономики исчисляются со второй половины XIX в. до середины XX столетия [14, с. 241-247]. Тяжелый кризис угледобывающих отраслей на исходе этого времени подтолкнул правительства Франции (в 1946 г.) и Великобритании (в 1949 г.) [15] к национализации шахт. Шахты ФРГ не подверглись национализации – федеральное правительство приняло на себя обязательство финансовой поддержки негосударственных угольных концернов.

Эта была мера не столько во спасение национальной угольной промышленности, сколько энергетики страны. Даже после экспансии других видов топлива, в 1965 г., доля угля в потреблении первичных энергоресурсов Германии составила 64%, Великобритании – 60%, Франции – 39% [16].

Присутствие государства в угольном бизнесе было сведено к дотированию убытков предприятий, руководству их деятельностью и субсидированию модернизации шахт. Во Франции был создан институт Charbonnages de France (CdF), имеющий статус "центрального учреждения, находящегося в государственном управлении", под юрисдикцию которого поступили 9 каменноугольных бассейнов, а также региональные институты государственного управления угольной промышленностью, имеющие широкую автономию. В Великобритании – национальная угольная компания "British Coal".

Особенно интенсивно шло реформирование угольной промышленности ФРГ. Модернизация шахт стала основой "региональной структурной политики" земли Северный Рейн-Вестфалия [17]. Десятилетие (с конца 1960-х по конец 1970-х годов) было посвящено реиндустриализации – политике возрождения старой промышленности на основе новых технологий. Стержнем реиндустриализации была кропотливая кампания по объединению шахт на основе централизации подъема и обогащения: свозить основную массу угля под землей к центральной шахте, на поверхности которой находится мощная обогатительная фабрика [18, 19].

Если в 1960 г. в Германии действовало 146 единиц, на которых было добыто 142 Мт товарного угля [20] – средняя годовая мощ-

ность единицы примерно 1 Мт, то в 1990-х годах из 36 действующих на тот период шахт только 3 имели категорию D или E (менее 1 Мт в год) – в Аахене и Нижней Саксонии, остальные были гораздо мощнее [21, с. 137-138]. Пользуясь государственной финансовой поддержкой, немецкие концерны произвели полную модернизацию своего хозяйства. Рурские шахты Friedrich Heinrich, Heinrich Robert, Hugo, Rheinland стали крупнейшими в Европе. Но угледобыча так и осталась убыточной. В 2010 г. на дотации 5 оставшимся шахтам было выделено €1,7 млрд [22].

Немецкие уроки объединения шахт пошли впрок Англии. С 1975 по 1988 г. количество действующих шахт сократилось с 241 до 94, а среднесуточные объемы добычи увеличились с 2 до 3,8 тыс. т товарного угля на единицу.

И шахты Франции в шестидесятых годах были капитально модернизированы за государственный счет. Но политика ликвидации отрасли уже была запущена – план министра промышленности Жене (1960 г.), план Беттанкура (1968 г.), "политика подъема" Ф. Миттерана (1983 г.), означавшая реструктуризацию отрасли, приведшую к полной ликвидации французских шахт.

Объект промышленной политики проявляет ее характер. Ликвидационные программы, как правило, не снисходят до предприятий, счет идет на бассейны, отрасли, конструктивные – идут от предприятий. Так, в упомянутые времена СССР объектами промышленной политики были бассейны (Донбасс и Кузбасс), угольная промышленность Украины как таковая; устанавливалась очередность бассейнов по части сворачивания угледобычи во Франции. В Германии же, Великобритании политика реиндустриализации была приурочена преимущественно к предприятиям.

В точке бифуркации всегда присутствует опасность, поэтому задача национальной политики – снизить вероятность неблагоприятных событий, обойти общественные катастрофы. Во Франции эта миссия была возложена на мощную атомную энергетику, подменившую убыточную угольную промышленность; в Великобритании, распродавшей к концу 1994 г. все имущество "British Coal", были освоены месторождения при-

родного газа в Северном море; в Германии, назначившей конец отрасли на 2018 г., приобретены зарубежные угольные активы. До 2003 г. концерн Рурколе (через свою дочернюю фирму RAG Coal International) владел 16 добывающими предприятиями – тринадцатью в США, двумя в Австралии и одним в Венесуэле. В 2002 г. на них было добыто более 70 млн т угля [23]. Базовыми ставками энергетической политики СССР была атомная энергетика и дешевое экологически приемлемое угольное топливо из восточных районов; природный газ – как основной ресурс для переходного этапа (режим "газовой паузы").

В современной практике создание угольных филиалов в других странах, как это было сделано немецким концерном Рурколе, становится все более распространенным приемом. Японские, корейские корпорации широко представлены, например, в Австралии – они владеют активами местных предприятий, это их зарубежный угольный сектор (сообщность национальных компаний, переместивших часть своего бизнеса в другие страны). Иностраный сектор – это сообщность иностранных компаний в экономике принимающей страны [24, с. 74].

Такие угольные структуры есть и в Украине: группа "Энерго", например, владеет несколькими шахтами в Кузбассе, корпорация СКМ – угледобывающей компанией в Аппалачах (США) – это зарубежный сектор; угольные компании российской "Евраз Групп", поставляющие сырье для коксования на свои заводы в Украине, – иностранный сектор.

Промышленная политика европейских угледобывающих стран прошла через этапы модернизации (реиндустриализации), а затем реструктуризации шахтного фонда, вплоть до полной его ликвидации, с целью освобождения государства от дотирования угледобывающих предприятий. При этом параллельно осуществлялось создание отрасли (сектора)-субститута, обеспечивающей надежность и эффективность функционирования экономики.

Эти же стадии можно усмотреть в истории украинской, российской и польской угольной промышленности. Но в Украине, в отличие от других стран, закрытие большого числа шахт так и не привело к финансовому оздоровлению отрасли, а Польша так и оста-

лась с углем в качестве незаменимого доминирующего энергетического ресурса (61%) [16].

Отраслевая промышленная политика является подчиненной по отношению к национальной государственной политике. Очевидно, что государственные отраслевые программы для условий автаркии не могут быть такими же, как для политики, декларирующей открытость экономики страны.

Сущность промышленной политики передает ее цель. Программа "Українське вугілля" (2005 г.), если судить по этому признаку, не отличается "концептуальным мышлением в стратегических масштабах с упором на реалистические цели [11]. Было декларировано "підвищення ефективності роботи підприємств вугільної промисловості й досягнення обсягів видобутку вугілля, необхідних для задоволення потреб національної економіки" [25]. Но отечественной экономике шахты как таковые не нужны, ей нужен уголь. Уголь – как сырье для металлургии; уголь – как топливо для энергетики. Это в Австралии или Южной Африке угольная промышленность является главным источником экспортного наполнения бюджета, опорой макроэкономики. Глобализованный мир с его угольными рынками для Украины – это такой же источник ресурсов, как восточные районы бывшего СССР. Собственный уголь, – как считают немцы, – для надежности; импортный – для экономичности; возобновляемые источники – для сохранности окружающей среды [26]. Если в эту формулу в нужном месте подставить "природный газ и атомная энергия – для сохранности окружающей среды", то она вполне подойдет для украинского топливно-энергетического комплекса. В Украине нет глубоководных портов для подвоза угля из дальнего зарубежья, но есть возможность доставки угля из России, мощная ядерная энергетика и способность всех угольных электростанций работать на газе и мазуте.

Поэтому нет резона украинскую угольную промышленность любой ценой превращать в главного поставщика энергетической базы страны. Ей более свойственна роль гаранта энергетической безопасности державы, чтобы избегать, например, ситуаций, подобных возникшим после аварии на российской шахте "Распадская". Достаточно было в 2010 г. случиться катастрофе, как

правительство РФ ограничило вывоз за границу коксующегося угля. Причем меры по стабилизации внутреннего российского рынка в равной мере были распространены не только на классических торговцев углем, как, скажем, "Северсталь", но и на "Евраз Групп", для которой украинские коксохимические заводы являются собственными.

Украинскому государству политически важно свести к минимуму свое присутствие в угольной промышленности. Наиболее приемлемый и простой путь – передать шахты в частную собственность. Кампании приватизации инициируются с каждой сменой правительства. Но бизнес-структуры не хотят брать убыточные шахты. Второй вариант – закрытие убыточных шахт, но он требует больших капиталовложений, на которые государство не способно.

Нынешнее правовое поле позволяет выбрать варианты разгосударствления от полуприватизации (semi-privatization) [29, с. 136], каковыми являются концессия или аренда, до полной приватизации с выкупом основных фондов. Бизнес может взять себе даже не всю шахту, а горный отвод и разрабатывать его, пользуясь услугами по подъему, транспорту и обеспечению жизнедеятельности, предоставляемыми государственным предприятием. Такая форма под названием корпоративной разработки шахтного поля в девяностых годах XX в. прошла апробацию на шахте "Красноармейская-Западная № 1" [30].

Однако и такие послабления не способны обеспечить приватизацию всех шахт государственного сектора. По прикидкам, сделанным службами министерства угольной промышленности Украины в 2009-2010 гг., только в перспективные и потенциально перспективные шахты, а их, соответственно, 38 и 46 административных единиц, для модернизации необходимо в течение 6 лет вложить порядка 19 млрд грн. Но остаются еще 48 шахт, признанных бесперспективными.

В принципе, у государства есть рычаги, способные побудить, скажем, металлургический бизнес, к приватизации шахт, например, объявить эмбарго на ввоз угля. Этот ход можно попытаться даже подвести под правила ВТО как защиту отечественного производителя, но положительный эффект на мезоуровне (угледобывающие предприятия и

регионы) способен обернуться отрицательным макроэкономическим эффектом.

Поэтому цель промышленной политики по отношению к угольной отрасли допустимо сформулировать как достижение экономической самостоятельности предприятий (их бездотационного существования) при соблюдении социального мира и экологического порядка.

В качестве стратегических направлений достижения цели можно рекомендовать комплексное использование недр и реструктуризацию шахтного фонда на основе компоновочной и технико-технологической модернизации.

Первая часть – это коммерческая мобилизация сопутствующих ресурсов. Шахтный газ не только фактор повышенной опасности угледобычи, но и ценное топливо. Примером его доходного использования может быть шахта им. А.Ф. Засядько, которая активно преобразует добытый метан в электрическую, тепловую энергию и моторное топливо. Представляет интерес переработка шламов и хвостов обогащения, которых в угледобывающих регионах скопилось более 200 млн т. Первая серия экологически чистых ТЭЦ с котлами ЦКС, по заключению специалистов, могла бы составить 10-15 единиц суммарной мощностью 1000-1300 МВт. Их использование способствовало бы существенному улучшению экономики угольных предприятий, ликвидации большого количества неэффективных шахтных котельных, получению дополнительно 1,5 млн т товарного угля в год. Дешевизна используемых отходов создает предпосылки высокой экономической эффективности и инвестиционной привлекательности шахтных генерирующих установок. Комплексное использование недр – это также подземная газификация угольных пластов, приносящие доход переработка шахтных вод, индустрия строительных материалов из отходов и пр.

Вторая часть – это реструктуризация шахтного фонда. Но в условиях сложившихся реалий, для нее рациональны нетривиальные методы.

В Донбассе доля предприятий, в лучшие времена выдававших 1000 т угля в сутки, составляет почти треть общего количества. Несмотря на маломощность, в большинстве случаев эти шахты имеют полно-

стью отобилизованный комплекс поверхности, осуществляют выдачу угля и другие технологические отправления. Обслуживанием технологических комплексов поверхности шахт занято более 20% общего количества рабочих по добыче угля, а если считать с так называемой "непромышленной группой", то и все 30% – в 1,5-3 раза больше, чем на шахтах ведущих угледобывающих стран мира. Более половины из всех существующих шахтных поверхностей за последние 40-45 лет не подвергались какой-либо реконструкции. Многие из них имеют весьма низкий технический уровень. Счет требующих замены стационарных установок идет на тысячи [31]. Форс-мажорные обстоятельства могут возникнуть на многих шахтах: 140 действующих вертикальных стволов отнесены к категории аварийных; требуют замены 28% парка подъемных машин, 39% вентиляторов главного проветривания, 20 тыс. единиц различного электротехнического и энергетического оборудования. Масса ждущих замены трубных ставов, подъемных канатов, рельсовых проводников в стволах превышает 77 тыс. т. Обрушение в 2011 г. башенного копра на шахте им. Бажанова, повлекшее людские жертвы, реальное тому подтверждение.

Угольная отрасль "обречена" на реконструкцию комплексов поверхности практически всех шахт. Поэтому имеет смысл не просто закрывать нерентабельные шахты, стратегически важно проводить техническое реформирование шахтного фонда с минимизацией используемых финансовых средств и достижением принципиально нового качественного уровня. Прежде всего, следует рассмотреть варианты объединения шахт на основе централизации подъемных комплексов (угольных складов), как это было сделано в Германии, провести оптимизацию схем вентиляции и водоотлива, санитарно-бытового обслуживания персонала. Меры по концентрации производства открывают широкие возможности рационализации, особенно в плане распределения запасов и трудовых ресурсов по отдельным блокам объединенной шахты.

Указанное не исключает физической ликвидации отдельных шахт или их временной консервации.

Украинская промышленная политика должна иметь в качестве объекта предпри-

ятие, но принимать во внимание их районирование. По отношению к предприятию государство может выступать поставщиком факторов производства; потребителем произведенной продукции; получателем налогов; регулятором рынков и деятельности самого производителя; субъектом международной политики. Но важно осознание обеими сторонами, что государство – это не только власть предержащая, как в случае налогообложения и всех видов регулирования, но и партнер. Украинская промышленная политика должна гарантировать отсутствие дискриминации в доступе на рынки угля и факторов производства любому предприятию, независимо от его форм собственности, крупности, страны происхождения и региона размещения.

"Секторальная", она же "вертикальная политика", является традиционной, но построение промышленной политики может идти и по горизонтальному типу. "Горизонтальная ("функциональная") политика" ориентирована не на отдельный сектор (отрасль), а на всю экономику или спектр отраслей и предприятий (нормативно-правовое обеспечение хозяйственной деятельности, защиту прав собственности, устранение административных барьеров, содействие инновациям и др.) [10, с. 8]. Горизонтальную промышленную политику можно назвать политикой исправления существующих и введения новых институтов. Именно к этому тяготеет современная европейская практика.

Попытка использования горизонтальной политики для регулирования отечественной угольной отрасли была сделана в начале 1990-х годов. Либерализация цен на уголь, призванная элиминировать дотации, провалилась из-за "эффекта бумеранга" – издержки (на материалы, электроэнергию) пошли в рост опережающими темпами. Не выдержал конкуренции с неформальными институтами бизнеса и правительственный институт корпоратизации шахт [32]. Но полученный отрицательный опыт не умаляет значения функциональной политики. Наоборот, процессы реструктуризации шахт выдвигают на первый план вопросы регулирования рынка труда. Это дорогостоящее и социально напряженное дело, требующее институтов досрочного выхода на пенсию персонала ликвидируемых предприятий, создания новых рабочих мест, развития предпринимательства

и нахождения новых форм поддержки занятости. В блоке регулирования внутренних рынков промышленная политика должна четко определить правила работы ценового механизма: увязку цен на уголь с тарифами на электроэнергию, ценами на кокс; ценой импортных поставок, упорядочение практики трансфертных цен. Прорыночная ориентация новой промышленной политики не должна приводить к ослаблению традиционно важной для отрасли политики природных ресурсов. Более того, все аспекты, затрагивающие охрану окружающей среды, нормативно-правовое регулирование эксплуатации недр, реализацию государственных прав собственности на недра должны быть максимально соблюдены. Но при этом не должно быть излишних бюрократических препятствий при получении горных отводов для ведения частной угледобычи на действующих и восстанавливаемых шахтах.

Круг горизонтальной политики достаточно широк, ею следует грамотно пользоваться.

В данной работе умышленно оставлены без внимания любые меры, не подпадающие под категорию промышленной политики. Большую роль, например, в развитии угольных отраслей Австралии и Южно-Африканской республики оказало регулирование валютных курсов, но это – арсенал финансовой политики [33, с. 59].

Представленные положения промышленной политики для украинской угольной промышленности вполне логичны и обоснованы. Их можно было бы уверенно рекомендовать для внедрения, если бы не опыт польской реструктуризации шахт.

За период с 1989 по 2006 гг. на преобразования национальной угольной промышленности Польши было потрачено почти 15 млрд злотых (4,2 млрд евро) в современных ценах, было закрыто 37 крупных предприятий, сокращено более 300 тыс. человек. Горная промышленность вновь обрела финансовую ликвидность и, начиная с 2004 г., полностью оплачивает свои текущие обязательства, поэтапно погашает реструктурированные долги. Однако рентабельность польской горной отрасли, несмотря на ее положительную динамику, теперь весьма зависит от спроса и цен на мировых угольных рынках. Правительство продолжает платить дотации,

пусть и в 2,5 раза меньшие, чем в годы максимума (1999 г.), но в 2006 г. они составили 190 млн евро. Потенциал повышения эффективности за счет экстенсивных мер исчерпан. Износ основного оборудования составляет 40%, для обновления материальной базы необходимо порядка 20 млрд злотых до 2015 г. У предприятий таких ресурсов нет, и профсоюзы работников горной отрасли категорически отрицают инвестирование предприятий за собственный счет, как и возможность продажи части шахт в частные руки. Государственный бюджет вновь стоит перед необходимостью финансировать миллиардные инвестиции, но уже с ограничениями, накладываемыми законодательной системой Европейского союза.

Сейчас Польша имеет 33 достаточно эффективных предприятия, добывающих 98 Мт угля, на которых занято 119 тыс. человек. Среднесуточная добыча из одного забоя составляет 3066 т (в отдельных лавах дошла до 6000 т/сут.); годовая производительность труда – 793 т/чел. По этим показателям польские шахты значительно опережают украинские. Но польский уголь не конкурентоспособен по отношению к российскому углю, той же СУЭК – "Сибирской угольно-энергетической компании", добывающей столько же, сколько все польские предприятия вместе взятые [34].

Коренные проблемы польской угольной промышленности, стало быть, оказались неразрешимыми. Череду тяжелых преобразований обернулась паллиативом. И отправная точка промышленной политики напоминает запятую в известной фразе "Казнить нельзя помиловать". Разные страны ставят ее в разных местах.

Учитывая реальные возможности украинской экономики, можно предположить, что знаки препинания в политическом предложении так и не будут расставлены. Упомянутые предложения комплексного использования недр, реструктуризации шахтного фонда на новой компоновочной основе, даже если таковые и будут востребованы, постигнет участь прошлых программ: правильные, но невыполнимые планы, а далее – по сценарию "все идет, как идет".

Выражение Д. Родрика: "Правильная модель промышленной политики заключается не в применении автономным правитель-

ством налогов Пигу или субсидий, но в стратегическом сотрудничестве между частным сектором и правительством с целью выявления, где находятся наиболее существенные препятствия для реструктуризации, и какой тип вмешательства с наибольшей вероятностью может их устранить"[35, с. 3], как будто специально написано для угольной промышленности.

Феномен корпоративной разработки шахтного поля, о которой говорилось выше со ссылкой на опыт шахты "Красноармейская-Западная № 1", заключается в использовании недиверсифицированных фирм, как их называет Виктор Агроскин [36]. Добыча угля является сложным диверсифицированным процессом, выполняемым, как правило, одним субъектом (очистные работы – собственно добыча угля; а также подготовительные работы, транспорт, подъем, водоотлив, вентиляция и пр.). В случае корпоративной разработки шахтного поля бизнес становится специализированным – добыча угля и ее технологическое обеспечение осуществляются разными субъектами: с одной стороны – частная фирма, а с другой – государственное предприятие, которое удобно назвать "шахта" [37]. Рыночные отношения между фирмами и шахтами – путь к бездотационному существованию угольных предприятий.

Именно в политике разделения бизнеса между различными субъектами (недиверсифицированными фирмами), развитии института корпоративной разработки шахтного поля можно увидеть выход из кризиса отечественной угольной промышленности. Это временная мера промышленной политики, паллиатив, но без такого соглашения с бизнесом невозможно дальнейшее существование государственного сектора отечественной угольной промышленности.

Второй фактор – изыскание принципиально отличной технологии коммерческой разработки отечественных месторождений – существующая технологическая платформа себя изжила. Участие государства в рынках технологий органически обусловлено спецификой местных месторождений – нуждой в средствах, обеспечивающих эффективное извлечение угля из тонких пластов. Новые технологии актуальны также для сфер подземной и наземной газификации (ожижения) угля, добычи и утилизации метана. Бизнес не

заинтересован в выполнении поисковых исследований и венчурных проектов – большие затраты, большие риски. Только государство способно организовать партнерство с бизнесом или полностью возложить на себя эту миссию, чтобы в дальнейшем, при наличии положительных результатов, произвести трансферт технологий для освоения субъектами предпринимательства производства новых образцов.

Таким образом, новая промышленная политика в отношении украинской угольной промышленности – это привлечение широких научных и инженерных слоев к созданию новых технологий комплексного освоения недр и максимально возможное побуждение интереса частных фирм к самостоятельной добыче угля в пределах полей государственных шахт на основе рыночных взаимоотношений с государственными предприятиями, оказывающими им технологические услуги; реиндустриализация и умеренная (финансово обеспеченная) реструктуризация шахтного фонда.

Литература

1. Угольная промышленность СССР: Техничко-экономический анализ работы угольной промышленности СССР за 1976 г. / ЦНИЭИУголь. – М.: ЦНИЭИУголь, 1977. – Т. 1. – 352 с.
2. Стырикович М.А. Исследования дальних перспектив развития энергетики / М.А. Стырикович, Ю.В. Синяк // Вести Академии наук СССР. – 1986. – № 4. – С. 46-54.
3. Сургай Н. Перспективы и направления развития угольной промышленности Украины / Н. Сургай // Энергетическая политика Украины. – 2005. – № 1. – С. 46-48.
4. Хорн Х. Надежность энергоснабжения немыслима без опоры на собственный уголь // Глюкауф. – 1989. – № 23/24. – С. 6-9.
5. Амоша А.И. Комплексное освоение угольных месторождений Донецкой области / А.И. Амоша, В.И. Логвиненко, В.Г. Гринев. – Донецк : ИЭП НАН Украины, 2007. – 216 с.
6. Салаяев А.В. Жизнь без угля: возрождение или упадок / А.В. Салаяев // Уголь. – 2002. – № 3. – С. 63-65.
7. IG BCE: отказ от добычи угля создаст дополнительную нагрузку на налогоплательщиков // Глюкауф. – 2010. – № 4. – С. 10.
8. Заможне суспільство, конкурентоспроможна економіка, ефективна держава : програма економічних реформ на 2010-2014 рр. [Електронний ресурс] / Офіційний сайт Президента України. – Режим доступу: http://www.president.gov.ua/docs/Programa_reform_FINAL_1.pdf.
9. План-графік реформ. Напрямок "Реформа вугільної галузі": Схвалено наказом Мінвуглепрому від 22.07.2010 р. №270 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.mvp.gov.ua/mvp/control/uk/publish/category?cat_id=83903.
10. Вишневецький В.П. Промислова політика: теоретичний аспект / В.П. Вишневецький // Економіка України. – 2012. – № 2. – С. 4-15; № 3. – С. 25-35.
11. Василенко И. Новые подходы к разработке государственных программ: рекомендации экспертов ООН / И. Василенко // Проблемы теории и практики управления. – 2003. – № 6. – С. 31-36.
12. Амоша О.І. Щодо програми реформування вітчизняної вугільної промисловості / О.І. Амоша, А.І. Кабанов, Л.Л. Стариченко, Д.Ю. Череватський // Уголь Украины. – 2011. – №6. – С. 4-7.
13. Cohen E. Theoretical foundations of industrial policy / E. Cohen // EIB Papers. – 2006. – Vol. 11, № 1. – Р. 85.
14. Энергетика мира – уроки будущего / под. ред. И.А. Башмакова. – М.: МТЭА, ИНЭИ РАН, 1992. – 467 с.
15. Дубовик С.Ф. Приватизация угольной промышленности Великобритании / С.Ф. Дубовик // Уголь Украины. – 1998. – № 1. – С.54.
16. Statistical Review of World Energy 2009 / British Petroleum [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.bp.com/productlanding.do?categoryId=6929&contentId=7044622>.
17. Хамитова Д.Р. Анализ антидепрессивной региональной политики в Руре / Д.Р. Хамитова // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 4. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. – С. 45-55.
18. Шухт К. Перемещение горных работ на северные участки Рурского бассейна. Проблемы окружающей среды и экономические аспекты / К. Шухт // Глюкауф. – 1987. – № 7.

19. Клэс Ф. Каменноугольная шахта будущего / Ф. Клэс // Глюкауф. – 1987. – № 18.

20. Platzek und Semrau. 50 Jahre Statistik der Kohlenwirtschaft E.V // Глюкауф. – 2004. – № 3. – Р. 123.

21. Кузьмич И.А. Зарубежные фирмы-изготовители горного оборудования / И.А. Кузьмич, Г.И. Кузнецов, А.З. Чаповский. – М.: Недра, 1997. – 197 с.

22. Совет министров ЕС утвердил программу финансирования добычи каменного угля до 2018 г. // Глюкауф. – 2011. – № 1(2). – С. 4.

23. Процесс превращения имущества концерна "РАГ" идет успешно // Глюкауф. – 2004. – №1. – С. 2.

24. Семенов А. Іноземний економічний сектор у США і зарубіжний сектор США: порівняльний аналіз / А. Семенов // Економіка України. – 2010. – № 1. – С. 73-81.

25. Програма «Українське вугілля»: Затверджено постановою Кабінету міністрів від 19 вересня 2001 р. №1205. – К., 2001. – 66 с.

26. Даубер К. Последовательная энергетическая политика / К. Даубер // Глюкауф. – 2009. – № 3. – С. 3.

27. Дементьев В.В. Почему Украина не инновационная держава: институциональный анализ / В.В. Дементьев, В.П. Вишневский // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. – 2009. – Вып. 36-1. – С. 5-16.

28. Чистый убыток "Павлоградугля" – 340,36 млн. гривень [Электронный документ]. – Режим доступа: http://www.ukrrudprom.ua/news/CHistiy_ubitok_Pavlograduglya_34036_mln_griven.html.

29. Варнавский В.Г. Концессионный механизм партнерства государства и частного сектора / В. Варнавский // Серия "Научные доклады: независимый экономический анализ". – М.: Московский общественный научный фонд. – 2003. – № 146. – 270 с.

30. Филатов Ю.В. Опыт корпоративной разработки шахтного поля / Ю.В. Филатов, Ю.А. Наумов, А.А. Лещинский, Д.Ю. Череватский // Уголь Украины. – 2000. – № 11. – С. 25-28.

31. Коваль А.Н. Значимый фактор современной стратегии инновационного развития угольного производства / А.Н. Коваль, Ю.З. Драчук, Н.И. Новикова // Шляхи забезпечення ринкових перетворень економіки. –

Зб.наук.пр. ДонНДУУ. – Серія економічна, Т. IX. – Вип. 107. – Донецьк, 2008. – С. 81-92.

32. Череватский Д.Ю. Приватизация украинских шахт в свете конкуренции институтов / Д.Ю. Череватский // Научные труды ДонНТУ. Серия: Экономическая. – Донецк : ДонНТУ, 2006. – Вып. 103-4. – С. 131-134.

33. Хорст В. Некоторые вопросы горной науки и технологии разработки месторождений полезных ископаемых в западных странах в начале нового столетия / В. Хорст, Б. Гюнтер, Л. Феттвайс // Глюкауф. – 2004. – № 1. – С. 57-63.

34. Паща Х. Реструктуризация угольной отрасли Польши. Объем и результаты, 1989-2006 гг. / Х. Паща, Г. Глищинский // Коул Интернэшнл. – 2008. – Вып. 2. – С. 8-19.

35. Rodrik D. Industrial policy for the twenty-first century / D. Rodrik. – Centre for Economic Policy Research // CEPR Discussion Paper. – 2004. – № 4767.

36. Агроскин В. Недиверсифицированные фирмы и новые формы привлечения капитала / В. Агроскин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.libertarium.ru/libertarium/vvagr.

37. Череватский Д.Ю. О недиверсифицированных фирмах в угольной промышленности / Д.Ю. Череватский // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. – 2007. – С. 20-23.

References

1. Central Research Institute of Economy and Scientific and Technical Information for the coal industry (1977) Ugol'naya promyshlennost' SSSR: Tekhniko-ekonomicheskii analiz raboty ugol'noy promyshlennosti SSSR za 1976 g. Vol.1. Moscow: TsNIEIugol'.

2. Styrikovich, M., A., Sinyak, Yu., V. (1986) 'Issledovaniya dal'nikh perspektiv razvitiya energetiki'. Vesti Akademii nauk SSSR. 4. pp.46-54.

3. Surgay, N. (2005) Perspektivy i napravleniya razvitiya ugol'noy promyshlennosti Ukrainy. Energeticheskaya politika Ukrainy. 1. pp.46-48.

4. Khorn, Kh. (1989) 'Nadezhnost' energosnabzheniya nemyslima bez opory na sobstvennyy ugol'. Gljukauf. 23/24. pp.6-9.

5. Amosha, A., I., Logvinenko, V., I., Grinev, V., G. (2007) Kompleksnoe osvoinie ugol'nykh mestorozhdeniy Donetskoy oblasti. Donetsk: The Institute of the Economy of Industry, NAS of Ukraine.
6. Salyaev, A., V. (2002) Zhizn' bez uglya: vozrozhdenie ili upadok. Ugol'. 3. pp.63-65.
7. Gljukauf (2010) 'IG BCE: otkaz ot dobychi uglya sozdast dopolnitel'nyu nagruzku na nalogoplatel'shchikov'. Gljukauf. 4. p.10.
8. Komitet z ekonomichnykh reform pry Prezydentovi Ukrayiny (2012) 'Zamozhne suspil'stvo, konkurentospromozhna ekonomika, efektyvna derzhava: prohrama ekonomichnykh reform na 2010-2014 rr.': Viktor Yanukovych, President of Ukraine: Official website. http://www.president.gov.ua/docs/Programa_reform_FINAL_1.pdf/ [accessed 15 February 2012].
9. The Ministry of Energy and Coal Industry of Ukraine (2010) 'Plan-hrafik reform. Napryamok "Reforma vuhil'noyi haluzi" (Disposal of the Ministry of Energy and Coal Industry of Ukraine. #270. dated 22 July 2010). http://www.mvp.gov.ua/mvp/control/uk/publish/category?cat_id=83903/ [accessed 23 March 2012].
10. Vyshnevsky, V., P. (2012) Promyslova polityka: teoretychnyy aspekt. Ekonomika Ukrayiny. 2. pp.4-15; Ekonomika Ukrayiny. 3. pp.25-35.
11. Vasilenko, I. (2003) 'Novye podkholdy k razrabotke gosudarstvennykh programm: rekomendatsii ekspertov OON'. Problemy teorii i praktiki upravleniya. 6. pp.31-36.
12. Amosha, O., I., Kabanov, A., I., Starychenko, L., L., Cherevats'kyi, D., Yu. (2011) 'Shchodo prohramy reformuvannya vitchyznanoi vuhil'noyi promyslovosti". Uhol' Ukrainy. 6. pp.4-7.
13. Cohen, E. (2006) 'Theoretical foundations of industrial policy'. EIB Papers. 1(11). p.85.
14. Bashmakov, I., A. (eds.) (1992) Energetika mira – uroki budushchego. Moscow: MTEA, INEI RAN.
15. Dubovik, S., F. (1998) Privatizatsiya ugol'noy promyshlennosti Velikobritanii. Ugol' Ukrainy. 1. p.54.
16. British Petroleum (2009) 'Statistical Review of World Energy 2009' <http://www.bp.com/productlanding.do?categoryId=6929&contentId=7044622/> [accessed 23 March 2012].
17. Khamitova, D., R. (2004) 'Analiz antidepressivnoy regional'noy politiki v Rure'. Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'. 4. Ekaterinburg (Russia): Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. pp.45-55.
18. Shukht, K. (1987) 'Peremeshchenie gornykh rabot na severnye uchastki Rurskogo basseyna. Problemy okruzhayushchey sredy i ekonomicheskije aspekty'. Gljukauf. 7.
19. Kles, F. (1987) 'Kamennougol'naya shakhta budushchego'. Gljukauf. 18.
20. Gljukauf (2004) 'Platzek und Semrau. 50 Jahre Statistik der Kohlenwirtschaft.V'. Gljukauf. 3. p.123.
21. Kuz'mich, I., A., Kuznetsov, G., I., Chapovskiy, A., Z. (1997) Zarubezhnye firmy-izgotoviteli gornogo oborudovaniya. Moscow: Nedra.
22. Gljukauf (2011) 'Sovet ministrov ES utverdil programmu finansirovaniya dobychi kamennogo uglya do 2018 g.'. Gljukauf. 1(2). p.4.
23. Gljukauf (2004) 'Protsess prevrashcheniya imushchestva kontserna "RAG" idet uspeshno'. Gljukauf. 1.p.2.
24. Semenov, A. (2010) 'Inozemnyy ekonomichnyy sektor u SSHA i zarubizhnyy sektor SSHA: porivnyal'nyy analiz". Ekonomika Ukrayiny. 1. pp.73-81.
25. The Cabinet Ministers of Ukraine (2001) Prohrama «Ukrayins'ke vuhillya» (The Cabinet Ministers of Ukraine Disposal #1205. dated 19 September 2001). Kyiv: The Cabinet Ministers of Ukraine.
26. Dauber, K. (2009) 'Posledovatel'naya energeticheskaya politika'. Gljukauf. 3. p.3.
27. Dement'ev, V., V., Vishnevsky, V., P. (2009) 'Pochemu Ukraina ne innovatsionnaya derzhava: institutsional'nyy analiz'. Nauchnye trudy DonNTU. Seriya: ekonomicheskaya. 1(36). pp.5-16.
28. UkrRudProm – novosti Ukrainy (2011) 'Chistyy ubytok "Pavlograduglya" – 340,36 mln. griven'. http://www.ukrrudprom.ua/news/CHistiy_ubitok_Pavlograduglya_34036_mln_griven.html/ [accessed 23 March 2012].
29. Varnavskiy, V., G. (2003) 'Kontsesionnyy mekhanizm partnerstva gosudarstva i chastnogo sektora'. Seriya: "Nauchnye doklady: nezavisimyy ekonomicheskij analiz".146. Mos-

cow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond.

30. Filatov, Yu., V., Naumov Yu., A., Leshchinskiy, A., A., Cherevatskiy, D., Yu. (2000) 'Opyt korporativnoy razrabotki shakhtnogo polya'. Ugol' Ukrainy. 11. pp.25-28.

31. Koval', A., N., Drachuk, Yu., Z., Novykova, N., Y. (2008) 'Znachymy faktor sovremennoy stratehyy ynnovatsyonnoho razvytyya uhol'noho proyzvodstva'. Zbirnyk naukovykh prats' DonNDUU: 'Shlyakhy zabezpechennya ryknovykh peretvoren' ekonomiky'. Seriya: ekonomichna. IX(107). Donetsk. pp.81-92.

32. Cherevatskiy, D., Yu. (2006) 'Privatizatsiya ukrainskikh shakht v svete konkurentsii institutov'. Nauchnye trudy DonNTU. Seriya: Ekonomicheskaya. 4(103). pp.131-134.

33. Khorst, V., Gyunter, B., Fettvays, L. (2004) 'Nekotorye voprosy gornoy nauki i tekhnologii razrabotki mestorozhdeniy poleznykh

iskopaemykh v zapadnykh stranakh v nachale novogo stoletiya'. Gljukauf. 1. pp.57-63.

34. Pashcha, Kh., Glishchins'kiy, Gzh. (2008) 'Restrukturizatsiya ugol'noy otrasli Pol'shi. Ob'em i rezul'taty 1989-2006 gg.'. Coal International. 2. pp.8-19.

35. Rodrik, D. (2004) 'Industrial policy for the twenty-first century'. Centre for Economic Policy Research (CEPR) Discussion Paper. 4767.

36. Agroskin, V. (1999) 'Nediversifitsirovannye firmy i novye formy privilecheniya kapitala'. <http://www.libertarium.ru/libertarium/vvagr/> [accessed 23 March 2012].

37. Cherevatskiy, D., Yu. (2007) 'O nediversifitsirovannykh firmakh v ugol'noy promyshlennosti'. Nauchnye trudy DonNTU. Seriya: ekonomicheskaya. pp.20-23.

Представлена в редакцию 16.03.2012 г.